

В. Г. Соболев

**ОБРАЗ «ТАДЖИКА»
В РУССКОЙ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(конец XIX в. — 1920-е годы)**

В последнее десятилетие и в России, и за рубежом появилось немало публикаций, посвященных проблемам российского восприятия Средней Азии и ее народов, а также процессам конструирования российскими и советскими властями этничности среднеазиатских народов. «Топорное», по выражению Р. М. Масова, разделение народов Туркестана в момент образования СССР и проведение искусственных границ между республиками создали большое количество межнациональных, экономических и социальных проблем, которые остро сказываются на современном состоянии центрально-азиатских республик. В то время как «этническое пространство» одних народов было резко сокращено и сведено к минимуму, другим предоставлялась обширная территория для создания национальной республики. К тому же серьезным образом менялся понятийный аппарат для обозначения коренных народов Средней Азии, и в рамках этого процесса одни народы фактически исчезали, другие, наоборот, резко увеличивали свою численность.

На наш взгляд, процесс нациентроительства в Центральной Азии на заре создания советских республик был тесно связан с теми представлениями, которые выработались у русского населения Туркестана, у российской администрации края в конце XIX — начале XX в. Представления официальных кругов Российской империи, отдельных ярких представителей профессионального востоковедения и методы проведения переписей и национального размежевания в Средней Азии уже в значительной степени исследованы. Однако, на наш взгляд, не менее интересно и важно в контексте данной проблемы выявить основные типичные образы коренного населения в русской «непрофессиональной» литературе. Под «непрофессиональной» литературой мы будем подразумевать художественную литературу, а также значительный корпус текстов, вышедших из-под пера путе-

шественников, военных, миссионеров, которые не обладали специальными знаниями и образованием, связанным с историей и культурой Востока и Средней Азии.

Один из авторов коллективной монографии «Россия — Средняя Азия» В. А. Иванов торопится заявить: «Примечательным <...> представляется отсутствие в русской литературе XIX — начала XX в. жанра колониального романа». Этот факт, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что «проблемы “русский в Азии” для большей части общественного сознания не существовало»¹. Тот же исследователь, ссылаясь на Б. С. Ерасова, пытается убедить читателя, что «Азией» интересовался лишь «тончайший слой общества», в то время как «просвещенные вестернизированные слои его концентрировали внимание на Западе», а «низы» общества и «часть официальных кругов самодержавия» ориентировались на духовное наследие Византии².

Представляется, что подобное утверждение преждевременно и неаргументированно. Согласно исследованиям, проведенным А. И. Рейтблатом, самым читаемым текстом всего XIX в. был роман Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840)³. Естественно, этот текст представляет собой лубочную литературу, тем не менее он пользовался популярностью не только в мещанской, но и в крестьянской среде, и сюжет его «замешан» совсем не на «западных» или византийских реалиях. О весьма широком проникновении «восточной» и «азиатской» проблематики свидетельствует и русская историческая песня XIX в., в которой широко отразились реалии русско-иранских и русско-турецких войн («Князь Цицианов под Эриванью», «Гудович и персидский шах» и др.)⁴. Уже в начале XX в. огромной популярностью в русской крестьянской среде пользовалась народная песня «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...»⁵, отражавшая события англо-бурской войны 1899—1902 гг.

Но не только войны и лубочные картины становились основой для популяризации восточной тематики в широких слоях русского населения в конце XIX в. Со времени начала деятельности Православного Палестинского общества резко возросло количество русских паломников на Восток, причем это были и малоимущие стран-

ники, которые отправлялись в Иерусалим по специальным льготным билетам на пароходах, жили бесплатно в русских подворьях в Палестине, зачастую бесплатно и питались. Тысячи российских паломников ежегодно посещали Иерусалим, Египет, Стамбул, Афон. Доктор А. В. Елисеев, специально проделавший весь путь с русскими паломниками-крестьянами в Иерусалим и обратно, сообщает о такой интересной подробности. Русские крестьяне, побывавшие в Палестине, непременно стремились поставить себе «Иерусалимскую печать» — татуировку Иерусалимского креста на руке, которая считалась главным доказательством того, что человек побывал в Иерусалиме. Татуировка наносилась преимущественно на внутренней стороне правого предплечья. «Иерусалимский крест» представлял собой большой прямой крест с четырьмя малыми в промежутках между рожками и с надписью «Иерусалим»⁶.

Несмотря на то что нет четких критериев для выделения в западной литературе XIX — XX в. «колониального» направления, общность тематики, топики, эйдологии, отчасти архитектоники ряда сочинений П. Лоти, Л. Жаколио, Л. Буссенара, К. Фаррера, Р. Хаггарда, Р. Киплинга и иных авторов оправдывает использование этого традиционного термина. В основе коллизии «колониальных» текстов — столкновение представителей наций, обитающих в отдаленных климатических зонах и обладающих чуждыми друг другу системами ценностей, культурными традициями, психологическими мотивировками поведения, социальным и бытовым укладом. Одна из этих наций — европейская — мыслит себя представительницей передовой цивилизации и стремится подчинить своим жизненным принципам другую нацию — туземную, в местах обитания которой происходит действие. Столкновение не зависит от того, «колонизаторами»-завоевателями или мирными «колонистами»-поселенцами выступают европейцы, признают они достижения и преимущества местной культуры или презирают ее. Различия так велики, что при самом благоприятном стечении обстоятельств конфликты неизбежны. Чаще всего «колониальная» литература пропагандирует колонизацию. Даже если автор симпатизирует туземцам, он невольно выражает европейский взгляд на события. Это не исключает разоблачения конкретных недостатков колониальной политики: критикуются те, кто

порочит недостойным поведением «благородное» дело колонизации (например, у Фаррера), и колонизаторы-соперники (так, Жаколио противопоставляет зверствам англичан в Индии гуманную колонизаторскую миссию Франции, а Киплинг порицает русских и французов). В целом для «колониальных» текстов, обычно неоромантических, характерны экзотизм описаний, пейзажные и этнографические отступления, напряженная интрига, несовпадения фабулы с сюжетом, эллиптичность повествования, схематизм характеров.

Маловероятно, чтобы Россия не откликнулась на популярное в Европе и у русских читателей литературное течение, пусть и не одобренное властями умов, тем более что в 1920-х годах приключенческие книги были временно реабилитированы и писателей призывали дать публике «красного Стивенсона». Кроме того, не будучи формально колониальной державой, Россия не оставляла надежд ему стать и имела отдаленные владения, которые использовались и воспринимались зачастую так же, как колонии западными странами. Это и Туркестан, и Дальний Восток. Овладение этими землями и преобразование их в составе России, а затем Советского Союза неоднократно становилось предметом творческого осмысления.

В дореволюционной художественной литературе колониальная проблематика Туркестана представлена слабо, но эффектно. Это прежде всего такие авторы, как Н. Н. Каразин и В. В. Верещагин, безусловно, читаемые и известные отнюдь не только в интеллектуальной прослойке российского общества. В 1920—1930-х годах «туркестанская» тема разработана видными писателями: Н. С. Тихоновым, Вс. В. Ивановым, Б. А. Лаврениевым, Л. М. Рейснер, С. Ф. Буданцевым, Л. М. Леоновым, П. А. Павленко, К. Г. Паустовским, Б. М. Лапиным, З. Хацревиным, В. А. Луговским. Почти все перечисленные авторы свидетельствовали о своем увлечении «колониальной» литературой — Киплингом, Хаггардом, Фаррером. Тихонов с симпатией упоминает Верещагина и Каразина, о последнем, сближая его романы с колониальными, писал и Павленко: «Его книги, как ни забиты они империалистической дребеденью, — прекрасный документ об Азии семидесятых годов <...> Он по возможности объективен и — забытый русский Киплинг — рисует людей Азии яркими красками»⁷. Изобразители Туркестана опирались также на отечествен-

ную традицию путевых заметок (прежде всего «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова) и на литературу времен покорения Кавказа (интересны наряду с повестями Лермонтова и Л. Н. Толстого новеллы Я. П. Полонского, служившего чиновником в Тифлисе, еще не вышедшем к русским, в 1840-х годах). Вообще весь русский кавказский цикл если и не может быть назван «колониальной» литературой, так как порожден иными историческими реалиями, то во всяком случае дает прочную основу для сюжетных линий колониального романа. Воспитанные на психологической прозе XIX в. авторы книг о Средней Азии синтезировали два противоположных типа дискурса, которые в одних случаях интересно пародируют друг друга, в иных дают нечто оригинальное.

Мы сосредоточимся на образе таджика в подобных публикациях, при этом отдавая себе отчет в том, что, конечно, весь корпус «непрофессиональной» литературы, в которой присутствует «таджик», значительно больше привлеченного к исследованию в рамках одной статьи. При этом нас будет интересовать именно то, в каком контексте, с какими атрибутами и смысловыми значениями употреблялся русскими этноним «таджик», иными словами, способы и практики конструирования термина «таджик», а не других слов и понятий, в которых могло описываться таджикское население.

Очевидно, что те, кого называли «таджиками» в русских художественных текстах конца XIX — начала XX в., совершенно необязательно таковыми были. И наоборот, те народы или социальные группы, для которых могли использоваться другие наименования, сами себя могли причислять к таджикской культуре.

Первое важное наблюдение, которое можно сделать на основе анализа русских непрофессиональных текстов по данной проблеме, состоит в том, что образ таджика представлен в двух различающихся между собой ипостасях: *таджик-сарт* и собственно *таджик*.

Каждый, кто как-либо соприкасался с тематикой межнационального размежевания в Средней Азии в начале XX столетия, не мог пройти мимо так называемой «сартской проблемы». На протяжении XIX — начала XX в. сарты представлялись и таджиками, и тюрками, и узбеками, и отдельным самостоятельным народом, причем единства во мнениях не было даже у ведущих специалистов-востоковедов.

К настоящему моменту теория этноса и этничности в значительной степени «перегружена» самыми разнообразными подходами, иногда частично совпадающими в некоторых своих положениях, а иногда прямо противоречащими друг другу. Применительно к Средней Азии, однако, большинство исследователей сходятся в том, что к моменту покорения этих территорий Российской империей здесь не сложились (да и не могли сложиться) представления об этнической / национальной идентичности в том варианте(-ах), в котором она существовала в европейской науке эпохи модерна. Сама постановка вопроса о том, кем же все-таки были сарты — «таджиками» или «узбеками», «иранцами» или «тюрками», — имела смысл скорее для русской администрации Туркестана, а не для местных жителей. Еще больший, но уже иной смысл такая постановка вопроса приобретает в наши дни, когда в ней явно представлен политический подтекст. Более того, можно утверждать, что сегодня эта проблема научными методами практически не решается. На любые свидетельства того, что «сартский язык» имел тюркскую основу, можно найти контраргументы, указав, что все горожане Средней Азии владели таджикским. Внешний облик жителя городов Зеравшана не был «тюркским» или, наоборот, был в значительной степени «тюркизирован» и т. п. В такой ситуации «проблема сартов» сводится, по сути, к политическому решению, в котором сартов можно объявить одним или другим этносом, либо к индивидуальному выбору, который, правда, может быть основан на определенном количестве источников, но может быть сделан и произвольно. При всем многообразии трактовок понятия «сарт» общим местом для всех без исключения исследователей и чиновников является то, что сарт — это в любом случае представитель оседлого, прежде всего городского, населения Средней Азии, «некочевник».

Эта проблема стоит особняком, и здесь мы намерено ограничимся лишь ссылкой на авторитетное исследование. обстоятельный критический обзор историографии по сартской проблеме дан в публикациях С. Н. Абашина⁸. Известный российский ученый убедительно доказывает, что окончательное превращение абсолютного большинства сартов в узбеков относится все же ко времени после 1917 г. в процессе установления советской власти и особенно в пе-

риод проведения республиканских границ в Средней Азии. В своем исследовании С. Н. Абашин активно использует и «непрофессиональную» литературу, привлекая, в частности, воспоминания военных и любителей-краеведов. Поэтому хотелось бы лишь проиллюстрировать дискурс «сарта-таджика» теми текстами, которые до сих пор не привлекались к исследованию и вместе с тем существенно дополняют рассматриваемый образ.

«Непрофессиональная» литература о народах Средней Азии формировалась не в вакууме, непосредственное влияние на нее оказывали общие представления о таджиках, сформировавшиеся в официальном (государственном) и научном дискурсах. Поэтому оттолкнемся от важнейших характерных черт образа «таджика-сарта», которые присутствуют в литературе профессиональной.

Во время завоевания Средней Азии и образования Туркестанского края российская администрация использовала для общения с местным населением переводчиков из числа «иностранцев» Российской империи. Ими были представители тюркских народов, прежде всего татары, башкиры и казахи. На это обращал внимание академик В. В. Бартольд в своем очерке «Таджики». Он писал, что «поторецки» было «легче, чем на персидском <...> объясняться с русскими властями, так как русские привели с собой переводчиков из татар и киргизов»⁹. Более того, сами российские исследователи, массово появившиеся в Средней Азии вместе с русской армией, также в подавляющем большинстве знали тюркские наречия, были тюркологами и в значительно меньшей степени были знакомы с языками иранской группы.

Таким был, в частности, В. В. Радлов, ученик миссионера Н. И. Ильминского Н. П. Остроумов, В. П. Наливкин и многие другие. Все они, хотя и владели персидским языком, на протяжении всей своей жизни основное внимание уделяли тюркским языкам, культуре и истории тюркских народов Средней Азии. Большая популярность таджикского языка в городах Средней Азии, двуязычие практически всего оседлого населения стало для многих российских тюркологов неожиданностью, более того, неприятной неожиданностью. «Более всего испорчен язык [тюркский] жителей городов, где благовоспитанность и мода требуют украшения родного языка чу-

жими перьями, и это для жителей городов тем легче, что практическое знание персидского языка, по многочисленности таджиков, здесь очень распространено. В самих же городах тем более заметно обезображение языка, чем более сближаешься с образованным, ученым классом общества, говорящим языком совершенно свойственным ему одному»¹⁰.

Заметим, что рецензия на книгу В. В. Радлова и итоги ее обсуждения были опубликованы в «Известиях Русского географического общества». Обсуждение книги шло под председательством В. В. Григорьева. В рецензии было отмечено: «В числе свежего научного материала <...> особенно замечательны известия о сартах в Ташкентском крае, говорящих на одном из тюркских наречий и считающихся за племя отдельное от таджиков, тогда как доселе название “сарт” считалось синонимом слова “таджик”»¹¹. Не этот ли момент следует считать поворотным в процессе тюркизации, а затем и узбекизации сартов?

Радлов утверждает, что киргизы, туркмены и каракалпаки сохраняют свой живой язык, слушают на нем сказки, мифы, красиво и изыщно изъясняются и мыслят, а узбеки, окруженные непонятными арабскими и персидскими словами, изъясняются скучно и монотонно, и мышление у них тоже неповоротливое¹². Такой скепсис Радлова в отношении таджикского языка легко, на наш взгляд, объясним его профессиональными пристрастиями, его специальностью. Весьма сожалеет о пренебрежительном отношении к собственным национальным языкам среди народов Средней Азии В. П. Наливкин: «Есть еще и пренебрежение к собственному языку. Пословица: Арабский язык — святыня, персидский — гадость, тюркский — нечисть, лисан араби — шараафат, лисан фарси кабаахат, лисан турки наджаасат»¹³. И далее тут же отмечает: «Такова далеко невеселая картина местной умственной жизни, картина того почти беспросветного мрака, рассеивать который призывают нас политические судьбы нашего отечества»¹⁴. Существование отдельных этносов, четко связанных с собственными национальными языками и культурой, и одновременно народов, противопоставленных друг другу, было выгодно российским имперским властям.

Между тем имело место и еще одно важное политическое обстоятельство, влиявшее на распространение негативного образа таджика-

сарта. Очевидно, что основное идейное сопротивление российским властям, политике обрусения и внедрению русской / европейской культуры в Средней Азии могли оказывать всерьез только весьма образованные местные жители: духовенство, богатые и знатные горожане, богатое купечество, преподаватели медресе. Эти люди в конце XIX в., особенно в первые годы после присоединения Средней Азии к России, общались между собой и пользовались в письменной речи в основном таджикским языком. Радлов после своей поездки в Зеравшанскую долину в 1868 г. прямо пишет: «Мы видим здесь два элемента борющимися между собой: тюркский — народный, и персидско-арабский — магометанский. Последний к несчастью уже везде почти взял верх и делает невозможным всякое свободное развитие народа. При таких обстоятельствах не может быть и речи об умственных и материальных успехах <...> Только тогда, когда тюркский народный элемент получит крепкую поддержку от европейской цивилизации, тогда развитие народа станет возможным <...> нельзя терять времени, надо действовать поспешно»¹⁵.

Именно в «фанатизированном», «магометанском» элементе, говорящем на персидском (таджикском) языке, российская администрация, по всей видимости, не без участия ученых-тюркологов и переводчиков-тюрков начинает видеть особую опасность своего будущего в Туркестане. Персидская и арабская письменная культура воспринимаются как проводники религиозного фанатизма и антироссийских настроений. Такое политизированное отношение к персидскому языку становится причиной в целом весьма негативного образа таджика-горожанина, представленного не только в художественной литературе, но и в текстах известных ученых. Приведем еще одну весьма показательную цитату из В. В. Радлова.

«Точно так же, как в европейской Турции, хитрый, ловкий и деятельный грек резко отличается от ленивого, равнодушного, но честного турка, так и в Средней Азии хитрый, старательный и ловкий персиянин — от неуклюжего татарина. Впрочем, через смешение с персидским элементом и тюркское население городов во многих отношениях сблизилось в нравах своих с таджиками. В этом населении, которое, как настоящие таджики, написало на своем знамени слова: “выгода” и “жадность”, высшей целью действий является

материальное приобретение <...> несмотря на то что магометане, золото есть их единственный идол <...> ненавидят телесное напряжение тюркские жители городов не меньше, чем таджики <...> везде за самые ничтожные услуги требуют “силу” — подарка, сопровождая просьбу самой сладостной улыбкой <...> После жадности и страсти к приобретению главная черта горожан — скупость <...> Кроме жадности и скупости отличительные черты их характера — трусость, лютость и лицемерие <...> отрезают головы, вырывают по одному зубу у пленных»¹⁶.

Следуя той же парадигме, краевед-любитель П. П. Шубинский, отмечая природную грацию и изящество внешнего облика таджика, в то же время пишет, что таджики «корыстолюбивы, низкопоклонны, трусливы, склонны ко лжи и всевозможным порокам. Отвращение к физическому труду, хвастливость и нестойкость в слове дополняют сложившийся под влиянием тысячелетнего гнета несимпатичный нравственный облик этого народа, занимающегося исключительно внутренней и внешней торговлей». Кроме того, «грамотность и, следовательно, фанатизм между узбеками развиты гораздо менее, чем между таджиками»¹⁷. Такими же «лживыми», «подозрительными» и «хитрыми» предстают таджики, городские жители, на страницах повести путешественника Н. Уралова, выдержанной в лучших традициях колониального романа¹⁸. Именно так, весьма негативно, рисует автор таджика муллу Казанджикова и другого муллу Саид-Басмана. Последний в конце концов оказывается предателем, втесавшимся в доверие, чтобы захватить русского в плен. Побывавший в плену у кокандцев в 1858 г. русский зоолог и путешественник Н. А. Северцов упоминает таджиков-сартов как безнравственных и развращенных, корыстолюбивых и трусливых¹⁹, правда, по собственному признанию, сам Северцов их никогда не видел.

Другим показательным моментом является то, что многие российские военные и чиновники, воспринимая городскую таджикскую культуру через переводчиков-тюрок из кочевнической среды, часто были уверены в том, что слово «сарт» имеет уничижительное значение, является обидной кличкой, которой кочевники-тюрки наградили своих оседлых соседей²⁰. Поскольку городская письменная культура в Средней Азии была главным образом персидской, то «обидная

кличка» сарт становилась в глазах многих россиян кличкой городских таджиков — «изнеженных, трусливых и жадных». Хотя, как это показывает С. Н. Абашин²¹, даже если слово «сарт» и использовалось в негативном смысле, как презрительная кличка, адресоваться оно могло отнюдь не только тем горожанам, кто говорил по-таджикски, но и к оседлым тюркам.

Именно в таком значении, как уничижительную тюркскую кличку для городских таджиков, воспринял, по всей видимости, слово «сарт» русский писатель и офицер Н. Н. Каразин. Николай Николаевич Каразин (1842—1908), сам участвовавший в туркестанских походах, оставил абсолютно не изученное богатейшее художественное наследие из 20 томов своих сочинений, почти полностью посвященных Средней Азии. В романе «Погоня за наживой», когда «туземцы» собираются в одной из чайных лавок Ташкента обсудить цены и русских купцов, есть такой диалог:

— *А не пора ли и мне в свой караван-сарай?* — *поднялся тоже на ноги Шарип-бай и начал отыскивать свои туфли, «ичеги», между целыми рядами верхней обуви, стоявшей на ступенях лавочного возвышения.*

— *Слышал: «караван-сарай»!* — *подтолкнул локтем Мушан-Али одного из соседей. — Только успел завести лавку побольше, чем у других, уже караван-сараям величает...*

— *Таджик — хвастун, сарт!* — *презрительно сплюнул в сторону сосед.*

— *«Сарт»!* *Да ты-то кто сам?* — *остановился в вызывающей позе Шарип-бай и пристально посмотрел через плечо на говорившего.*

— *Я... я кто? Я узбек, природный узбек, а не...*

— *Э, э, э! Зачем ссору заводить? Не надо ссоры заводить... Эй, бай, нехорошо!* — *вмешался хозяин лавки*²² [хозяин — Иса-Богуз, таджик с черной бородой. — В. С.].

Известный русский художник В. В. Верещагин (1842—1904) в своих очерках и рассказах, посвященных завоеванию Туркестана, следует своей излюбленной манере шокировать публику жестокостью войны и «дикими» нравами, царящими в Азии. Верещагин не употребляет в своих текстах слово «таджик». Тем не менее он четко противопоставляет сарта и узбека и по внешнему облику, и по об-

разу жизни, называя сартами лишь городское население. Пренебрежительного отношения к сартам у Верещагина не обнаруживается, он употребляет это слово не как нарицательное, а как обозначающее жителей Самарканда, горожан. В рассказе «Самарканд» автор называет людей, живущих в городе, сартами, а пытающихся отговаривать только что захваченный русскими Самарканд — «шахрисябцы» или «узбеки»²³: «офицер был послан поколотить массы узбекского войска Шахрисябза и Китаба»; «уложил уже на моих глазах неосторожно показавшегося у сакли узбека»; «бросились направо <...> где как раз накрыли в небольшом проломе стены несколько дюжих загорелых узбеков». Правда, гравюра, помещенная на с. 19 и названная «Шахрисябец», изображает человека, в образе которого нет монголоидных или тюркских черт. Наоборот, это тот тип, который обычно называли «персидским». Совершенно иначе выглядит человек на рисунке «Узбек из Самарканда» на с. 31 — тут мы видим явные монголоидные черты. В путевом очерке «Листки из записной книжки художника» Верещагин пишет: «Мы застали в крае несколько государств и несколько национальностей жившими в постоянной вражде между собой, так что каждая готова была скорее примкнуть к России, чем помочь исстари надоевшему соседу. Это очень облегчило и наши военные успехи, и управление первого времени; узбеки не любили сартов и таджиков, а киргизы не доверяли ни тем, ни другим, ни третьим»²⁴.

Путешественник и писатель, знаток Крыма Е. Л. Марков воспринимает сартов и таджиков отдельно, как разные народы. Вместе с тем, побывав в Ходженте, он описывал горожан так: «Тип здешнего населения гораздо красивее, чем в Ташкенте и других городах. Здесь все больше таджики или сарты, переродившиеся из таджиков. С сановитою важностью и наивным благодушием восседают они вокруг огромных самоваров в “чайхане” с чашками в руках, все франтовато одетые в свежие ярко-пестрые халаты, благопристойные и мирно настроенные, нисколько не напоминающие азиатских варваров»²⁵. В этом отрывке прослеживаются все те же типические черты, которыми русский обыватель награждал таджика-сарта — праздность, преисполненность собственной важностью. Кстати, это едва ли не единственный пример в литературе, когда сарты «перерождаются»

в таджиков, а не наоборот. Он же указывал на особую щеголеватость и красоту таджиков из Бухарского эмирата, которые, по мнению путешественника, выгодно и сразу отличают таджиков от местных узбеков.

Любопытный словарь-справочник²⁶ выпустил в 1878 г. А. В. Старчевский (1818—1901). Старчевский — полиглот, автор многочисленных разговорников по разным языкам мира, вышедших в России довольно большими тиражами в конце XIX в. Он же автор пособий типа «как выучить иностранный язык за две недели». В Предисловии Старчевский сетует на то, что Туркестан русские уже давно осваивают, а вот никакого приличного пособия-разговорника, доступного простым русским гражданам словаря так и не создано.

«Спутник» состоит из двух частей — грамматические очерки, с. 1—64, и Словари, с. 1—803. Справочник изобилует опечатками и ошибками, а иногда и нелепостями, видимо, готовился и издавался наспех. Одно и то же слово меняет свое написание несколько раз на одной странице: «адербайджанцы», «адрбайджанцы», «азербеджанцы» и т. п. Если в заглавии сартский язык назван «городским, узбекским, преимущественно техническим», то в самой книге грамматического очерка такого языка нет, а в очерке, посвященном тюркскому языку, сартскому наречию дается такая характеристика: под влиянием персидского языка «образовался язык, который часто уклоняется от чисто узбекского столько в формах, как и в словопроизводстве, и часто слышится наименование: сартский язык (сарттили, т. е. городской язык, для отличия от языка узбекского или сельских жителей)» (с. 7). Еще интереснее то, что в «Словаре сартского языка» на с. 593—685 больше половины слов персидские, а на с. 652 слову «сарт» дается два значения: 1) «бранное слово, которым называют таджиков. Сарт значит баба, трус, барышник и пр. Таджики утверждают, что название сарт дали им русские киргизы, но сами они не называют себя сартами»; 2) «зверек с желтым мехом, нечто в роде лисицы или шакала». При этом в словаре «тюркского языка» о слове «сарт» сказано: «Имя, которым называют в Хиве коренных жителей Средней Азии персидского происхождения» (с. 172). В киргизском словаре: «Сарт — этим именем киргизы называют всякого среднеазиатского татарина» (с. 408). В татарском и таджикском

словарях такого слова нет. Если грамматическим очеркам «тюркского», «киргизского» и «татарского» языков отводится примерно по 25 страниц, то очерк «таджикского (бухарского)» уместился на трех с половиной. При этом характерно, что для Старчевского «таджики» и «бухарцы» — абсолютные синонимы, но автор «Спутника» никак это не комментирует. Сам Старчевский никогда в Средней Азии не бывал, а словари собирал с чужих слов и пользуясь трудами ориенталистов. И хотя таджикские слова проверял живущий в Петербурге сын Бухарского эмира и мулла Хайрулла Юнусов и даже несмотря на то что «до 2000 слов» сартского языка сообщил некий пожелавший остаться инкогнито человек, который несколько лет находился в Туркестане и даже сам лично «бывал в Бухаре» (с. III), и «цель этого труда», как заявлено в Предисловии, «доставить русским людям надежное пособие для ознакомления с наречиями нашего Туркестана», сия благая цель была едва ли достигнута г-ном Старчевским.

Здесь можно сделать промежуточный вывод о том, что в непрофессиональной литературе образ таджика-сарта в целом следует за официальным дискурсом: единства во мнениях нет, если не считать того, что и представители художественной литературы называли сартами исключительно городское население. Образы художественной литературы повторяют основные топосы профессионального и «государственного» восприятия сарта-таджика, нередко воспринимая это слово как кличку, данную тюркским населением.

Иначе обстоит дело со второй ипостасью — образом собственно таджика, т. е. теми случаями, когда на страницах «непрофессиональной» литературы слово «таджик» употребляется без слова «сарт» и без связи с городской культурой. Таджики-представители «просто народа» и особенно так называемые «горные таджики» заслужили в русской литературе значительно лучшие, почти исключительно положительные оценки. Правда, здесь нужно иметь в виду, что дореволюционная и ранняя советская литература практически не отличает таджика и памирца. Поэтому те, кого именуют «горными таджиками», могут в действительности оказываться как таджиками (например, если речь идет о жителях Фанских гор, района озера Искандеркуль), так и памирцами Шугнана и Вахана.

Путешественники или специалисты в области геологии и ботаники оставляли воспоминания о своем пребывании в Средней Азии

инога рода, по-другому изображая привычки и характер местного населения. Путешественник Н. И. Косиненко вспоминает: «За мною по пятам следовал таджик, поддерживая в опасных местах. Однажды все-таки я поскользнулся и начал ползти по осыпи вниз в пропасть реки. Ухватиться было не за что — все ползло. Заметивши это, таджик разбежался и силою инерции протянутою мне палкою вытащил на менее ползучее место. Благодаря его находчивости я избежал неминуемой смерти»²⁷. Он же, стоя на краю пропасти в горах замечает: «Только обладая нервами таджика, можно хладнокровно смотреть на эту головокружительную глубину»²⁸. Стоит, правда, учитывать, что Косиненко, как и многие другие русские путешественники конца XIX — начала XX в., не отделяет таджиков и памирцев. Характерным наблюдением Косиненко поэтому является то, что местные таджики — шииты: «Все таджики одной Орошорской волости исповедуют мусульманскую религию шиитского толка; хотя мечетей не имеют, но высоко чтят могилы святых и предков, которые во множестве встречаются вдоль дороги»²⁹.

Геолог Липский восхищается отвагой таджиков: «На высочайшей отвесной скале, стоящей стеной над бурным в этом месте Пянджем, подымался этот карниз на огромную высоту вверх, а затем опускался. Можно было бы его совсем не заметить — потому что только тонкая линия обозначала его положение, — если бы в это время по нему не двигался человек с ослом. Мы остановились и несколько минут наблюдали это оригинальное зрелище, не зная, чему больше удивляться: смелости тех людей, которые движутся, или смелости самой мысли — проложить дорогу там, где только могли ползать ящерицы да насекомые»³⁰. Натуралист Богоявленский так описывает «скудость» местных жителей-таджиков: «Строгое указание не брать денег (в эмирском сопроводительном фирмане. — В. С.) <...> повело к некоторым неудобствам и для нас. Несмотря на все наше старания, ни начальство, ни местные жители не брали денег за провизию. Прокормить же 13 человек <...> для жителей иногда весьма малого кишлака, было страшно трудно. Волей-неволей часто приходилось сокращать свое пребывание»³¹. Липский не особенно подробно останавливается на «этнографических подробностях» относительно народов Средней Азии, склонен смешивать понятия «бухарец» и

«сарт». В то же время бухарцами он может называть и вообще всех подданных Бухарского эмирата. Тем не менее, попадая в собственно Горную Бухару, посещая Ягноб и Памир, Липский употребляет уже слово «таджик». Несколько раз на протяжении своего повествования он противопоставляет сартов-бухарцев киргизам, отмечая, что последние гораздо более раскованы, свободны, склонны шутить, менее религиозны и делает вывод «об общем умственном и нравственном складе, который выгодно отличает киргиз (за исключением частных) среди наших азиатских мусульман как живой народ, которого религия не сковывает и не делает мертвенным, подобно сарту или еще более персу»³².

Весьма высоко оценивал таджиков, с которыми столкнулся в своих горных экспедициях, А. П. Федченко: «В Ходженте есть все условия для дальнейшего развития этих и многих других отраслей промышленности: благоприятный климат, трудолюбивое и понятливое таджикское население»³³.

Н. Н. Каразин в романе «На далеких окраинах» богатым сартам Ташкента противопоставляет бедного таджика Уллу-гая, который разыскивает свою пропавшую серую ослицу, чтобы вести дыни на русский базар. Этот трогательный персонаж, с одной стороны, наделяется «ориентальными» чертами характера, непросвещен, имеет странные представления о женщине. Верит в то, что в Амударье недавно «большая рыба утащила барана и девочку». При этом Уллу-гай думает: «Девочка-то еще ничего: такая дрянненькая была, вся в лишаях, а баран был отличный: одного сала пуда два с половиною было»³⁴. С другой стороны, именно он первым замечает опасность — нападение разбойников — и спешит сообщить об этом русским. В путевом очерке Н. Н. Каразин называет таджиков «вечно оседлыми» и «культурными»³⁵.

После установления в Средней Азии советской власти и в период образования СССР таджикам сначала было отказано в создании самостоятельной союзной республики, она возникнет только в 1929 г. Об обстоятельствах нацистроительства в среднеазиатских условиях и причинах, приведших к такой ситуации, уже довольно много сказано³⁶. Заметим, что, на наш взгляд, большое влияние на игнорирование таджикской национальности в советскую эпоху поначалу

оказывали те политические факторы, которые были характерны для русской администрации края в дореволюционный период и о которых речь шла выше.

Примечательным представляется тот факт, что при значительном количестве публикаций 1920-х годов, связанных с художественным восприятием Туркестана и его народов, со страниц литературы исчезает слово «таджик». Действительно, уже в популярном справочнике, изданном в 1919 г. этнологом А. Н. Максимовым, теоретиком в области истории первобытного общества, таджики не упомянуты вообще³⁷, ни в тексте, ни на этнографической карте в конце справочника. Правда, при этом есть сарты в количестве 969 тысяч, которых автор относит к тюркам, хотя и не уверен в правильности этого³⁸.

Как уже отмечалось выше, советские литераторы в 1920-е годы не раз обращались к тематике Средней Азии. В их произведениях Туркестан предстает именно таким, каким обычно изображался Восток в колониальных западноевропейских романах, хотя, конечно, он не лишен «российской» специфики, а также характерных черт, присущих ранней советской литературе. Туркестан — замкнутое пространство (оазис, город), затерянное в бесконечных пустынях или горах, жизнь таинственно скрыта под мертвой неподвижностью: всюду камень — затвердевший в скалы или рассыпающийся песками. Средняя Азия предстает неким хаосом, непроницаемое и недвижимое таит мощный заряд энергии, которая проявляется в плодородии оазисов, буйстве природных стихий, неистовых страстях и фанатизме туземцев. Эта энергия первозданна, естественна, но разрушительна и враждебна европейской цивилизации. «Персидская ночь даже в городе раздираема какими-то странными вскриками, — передает Буданцев ощущение англичанина. — Собачий лай на окраинах превращается в шакалий вой и жужжание насекомых, в таинственный звон, а крикливый, страстный, озлобленный говор персов враждебен слуху завоевателей»³⁹.

Европейцу, попавшему в «мир Туркестана», окружающее непонятно и враждебно. Русского в рассказе Н. С. Тихонова «Шесть туманов» (1927) на базаре «толкали люди и животные, а черные шерстяные или шелковые ромбы, изображавшие восточных красавиц, взвизгивали и прижимались к стенам. Он шествовал, плохо разбира-

ясь в окружающем, и ощущал собственное бессилие. Кто-то не выдержал тягостного напряжения и выстрелил в него, плохо прицелившись». Чаще опасность бывает неявной, перед ней равны русские и их иностранные соперники: Аналогичны, по Тихонову, ощущения русского: «Русскому посоветовали не удаляться от Ляби-Хоуза — королевского пруда — никуда в сторону, не задевать женщин, закутанных в черные покрывала, не заводить ссор в кривых переулках («Чайхана у Ляби-Хоуза» (1927).

Любовные отношения между русским и «магометанкой», как и аналогичные линии «колониального» романа, неизбежно ведут к катастрофе, причем всегда по вине жестокой восточной морали. Авантюризм и советское культуртрегерство вовсе не исключали друг друга, так как преобразование туркестанского хаоса в советский космос связано со множеством приключений.

В рамках данной статьи нет возможности подробно осветить и украсить примерами «колониальность» советской литературы 1920-х годов, посвященной Туркестану, однако для нас важнее другое. В этой литературе практически отсутствует упоминание этнонима «таджик».

Едва ли не единственным примером упоминания таджиков в художественной литературе рассматриваемого периода являются малоизвестные сегодня публикации литератора П. Г. Скосырева. Скосырев, хорошо знакомый с реалиями Средней Азии, так как в период Гражданской войны сам воевал в Туркестане, занимался агитацией и «просвещением» местного населения, в 1930 г. напишет: «Мы видели всюду незнакомый нам чужой народ в халатах, чалмах и тюбетейках, который в городах торгует фруктами, пьет чай и ест плов, а в кишлаках полуголый с рассвета до вечерней зари копается на полях с чекменем, роет каналы и расчищает арыки. Народ этот все русские называют “сартами”, а сам он себя называл по-разному: то таджиком, то узбеком, то киргизом, а то даже совсем неожиданно каракалпаком или каким-то таранчинцем, причем в Фергане “сарты” называли себя узбеками, в Самарканде — таджиками, под Ташкентом — кем придется: и казахами, и узбеками, и каракалпаками»⁴⁰.

В этом же справочнике-путеводителе, написанном в свободном художественном стиле, Скосырев укажет, что «таджики, древние

аборигены страны, потомки согдийцев классической древности, творцы оросительной системы и первые земледельцы Средней Азии, загнанные мировой историей на самые высокие горы»⁴¹. В романе «Азиат» (1931 г.) одним из героев является таджик, ученый Абдусаид Рустамбаев, во время революции ставший агитатором на бронепоезде. Абдусаид «ворвался в революцию, запыхавшись, и торопится переделать Восток»⁴². Но этот и другие схожие советизированные образы таджиков появятся на страницах русской художественной литературы только в 1930-е годы, т. е. после того, как возникнет Таджикская ССР.

Особенно значительной, как по составу, так и по опубликованным после поездки произведениям, была «туркменская бригада» 1930 г. В нее входили В. В. Иванов, Л. М. Леонов, В. А. Луговской, П. А. Павленко, Г. А. Санников и Н. С. Тихонов. Большинство из них побывали не только в Туркмении, но проехали и по другим республикам. Однако никто из авторов при описании своих путешествий не употребляет слова «таджик».

Только Н. С. Тихонов, уже бывавший в Средней Азии в 1926 г., хотя и не упоминает таджиков как таковых даже в очерке про Самарканд, делает весьма характерный пассаж про его население: «Он (Самарканд. — В. С.) помнит арабов, турок, монголов, христиан, китайцев. Узбеки пришли предпоследними, и они стали разрушать все, что можно разрушить. Но и то, что осталось, они не берегли. И никто не берег»⁴³. Напрашивается вопрос: кто же составлял коренное население города?

Таким образом, на примере русской «непрофессиональной» литературы мы попытались проследить, как менялся образ таджика в глазах русских обывателей в конце XIX — начале XX в. Основные образы, в которых предстает таджик на страницах этой литературы, тесно перекликаются с теми представлениями, которые сложились о таджиках у русской администрации времен покорения Средней Азии. Особенно это касается городских таджиков, таджиков-сартов, которые часто представлены негативно и наделены сомнительными нравственными качествами: трусостью, жадностью, корыстолюбием, фанатизмом. Иначе обстоит дело с таджиками Бухарского эмирата, ведущими полуоседлый образ жизни в горах. Черты их

характера — смелость, щедрость, бескорыстность, простота — кажется, как будто нарочно противопоставлены характерам городских таджиков-сартов. Крайне важным и до сих пор неизученным феноменом в развитии российских представлений о Средней Азии в целом и о таджиках в частности является советский туркестанский цикл в литературе 1920-х годов. Этот цикл, с одной стороны, окончательно развеивает миф об отсутствии в России колониальной литературы, с другой — определяет совершенно особые, не встречающиеся в Западной Европе образы «покоренных» восточных народов. Весьма примечательным и существенным является и тот факт, что таджик в советской литературе начинает осторожно появляться только после образования Таджикской ССР, т. е. уже в 1930-е годы. До этого момента советская «непрофессиональная» литература обходилась древний этноним молчанием.

Примечания

¹ Иванов В. А. Русский вопрос в Туркестане (историографический миф и реальность). *Россия — Средняя Азия*. Т. 1: *Политика и ислам в конце XVIII — начале XIX в.* (М., 2011), с. 155—156.

² Там же, с. 155.

³ Рейтблат А. И. Московская низовая книжность. *Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи* (М., 2001).

⁴ См., напр.: *Русская историческая песня*, вступ. статья, сост., прим. Л. И. Емельянова (Л., 1990).

⁵ Текст песни имеет множество вариантов, в основе которых лежит стихотворение Галины Галиной (Глафиры Ринкс) «Бур и его сыновья» (1899).

⁶ Елисеев А. В. *С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 года (Очерки, заметки, наблюдения)* (СПб., 1885), с. 328.

⁷ Павленко П. А. *Собрание сочинений* (М., 1955), т. 5, с. 32.

⁸ См., напр.: Абашин С. Н. Проблема сартов в русской историографии XIX — первой четверти XX в. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности* (СПб., 2007), с. 95—177.

⁹ Бартольд В. В. *Таджики. Сочинения* (М., 1963), т. 2, ч. 1, с. 468.

¹⁰ Радлов В. В. *Средняя Зерафшанская долина* (СПб., 1880), с. 68—69.

¹¹ Об описании Зеравшанской долины В. Радлова. Журнал заседания отделения этнографии. 23 октября 1869 года. *Известия Русского географического общества* 6/1 (1870), с. 48—49.

¹² Там же, с. 70.

¹³ Здесь следует учитывать, что арабское слово *кабахат* имеет менее негативный смысл, чем *наджасат*.

¹⁴ Наливкин В. П. Школа у туземцев Средней Азии. *Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг.*, вып. 1 / под ред. М. М. Вирского (Самарканд, 1890), с. 301—302.

¹⁵ Радлов. *Указ. соч.*, с. 73.

¹⁶ Там же, с. 74.

¹⁷ Шубинский П. П. Очерки Бухары. *Исторический вестник*, 8 (1892), с. 385—387.

¹⁸ Уралов Н. *На верблюдах. Воспоминания из жизни в Средней Азии* (СПб., 1897), с. 12—13.

¹⁹ Северцов Н. А. *Месяц плена у Коканцев* (СПб., 1860), с. 62—63.

²⁰ Именно так воспринимает слово «сарт» офицер Гребенкин: Гребенкин А. Д. Узбеки. Таджики. *Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки*, вып. 2 (М., 1872). Также полагал и Сер-Али Лапин. О негативных значениях слова «сарт» в тюркских языках см. также: Алихан Аман. Об этимологии, значениях и истории слова «сарт». <http://www.kurguz.ru/?page=318> — центрально-азиатский исторический сервер.

²¹ Абашин. *Указ. соч.*, с. 126—130. Уничижительный (негативный) смысл в слове «сарт» отрицали В. В. Бартольд и особенно Н. П. Остроумов. См., напр.: Остроумов Н. Значение слова «сарт». *Туркестанские ведомости*, № 28—31 (1884).

²² Каразин Н. Н. В погоне за наживой. *Собрание сочинений* (СПб., 1904), т. 2, с. 210.

²³ Верещагин В. В. *На войне в Азии и Европе* (СПб., 1898), с. 7—8, 12, 15.

²⁴ Он же. *Листки из записной книжки художника* (М., 1898).

²⁵ Марков Е. Л. *Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге* (СПб., 1901), с. 32.

²⁶ Старчевский А. В. *Спутник русского человека в Средней Азии, заключающий в себе словари (написанные русскими буквами) языков: 1. тюркского (джагатайского или узбекского) с особенностями наречий кашгарского, хивинского и туркменского; 2. киргизского (казакского); 3. татарского (казанского и оренбургского); 4. сартского (городского, узбекского, преимущественно технического) и 5. таджикского (бухарского) с грамматическими очерками* (СПб., 1878).

²⁷ Косиненко Н. И. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза: из путевых записок. *Известия Русского географического общества*, 51/3 (1915), с. 134.

²⁸ Там же, с. 126—127.

²⁹ Там же, с. 129.

³⁰ Липский В. И. *Горная Бухара: результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Часть 3. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899* (СПб., 1905), с. 603.

³¹ Богоявленский Н. В. В верховьях р. Аму-Дарья: долины рек Хингоу и Ванджа. *Землеведение*, 8 (1901), с. 8.

³² Липский. *Указ. соч.*, с. 732.

³³ Федченко А. П. *Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству А. П. Федченко в 1871 г.* (Ташкент, 1871), с. 2.

³⁴ Каразин. На далеких окраинах. *Собрание сочинений*, т. 1, с. 71—72.

³⁵ Он же. На пути в Индию. Письмо второе. *Нива*, 38 (1888), с. 940—941.

³⁶ См., напр.: Масов Р. М. *История топорного разделения* (Душанбе, 1991); Абашин С. Н. *Указ. соч.*

³⁷ Максимов А. Н. *Какие народы живут в России: справочное издание* (М., 1919).

³⁸ Там же, с. 91.

³⁹ Буданцев С. Ф. *Писательница: романы, рассказы* (М., 1988), с. 381.

⁴⁰ Скосырев П. Г. *В стране белого золота* (М., 1930), с. 17.

⁴¹ Там же, с. 50.

⁴² Скосырев. *Азиат* (М., 1931), с. 106—107.

⁴³ Тихонов Н. С. *Город Тимура* (Самарканд). *Кочевники* (Л., 1933), с. 165.